

В Америке середины девятнадцатого столетия требовалось более чем на грош независимости, чтобы "соблюдать субботу вместо воскресенья", а от новообращенных, если они соглашались на том, какой день праздновать, вовсе не требовалось соглашаться в чем-то еще. Их собственные руководители смотрели на них снисходительно, как на некую сумку с тысячью кнопок всех возможных форм и размеров. Различных взглядов было больше, чем голов или рогов у любого из библейских животных". (Элла Робинсон. "С. Н. Хаскелл — человек действия", стр. 26).

Сказать, что каждый член церкви знал свое место в общем деле распространения трехангельской вести во всем мире, было бы совсем неправильно. Об этом говорили и груды публикаций, накапливающихся в типографии, потому что очень многие члены не слишком-то заботились о том, чтобы покупать и тем более распространять их. Все это окончательно убедило Джеймса Уайта в том, что церковь вступила в период Лаодикии. И даже после сообщений о начале проповеди в Швейцарии, церковь еще далеко не осознала свою вселенскую роль.

Елена Уайт постоянно призывала людей проснуться и включиться в работу. Прилагайте особые усилия, умоляла она, там, где ангелы Божьи открывают путь! (СЦ 2, 113-116; 631-636; 669). Не расслабляйтесь в своих уютных особняках! (СЦ 1, стр. 147-149). Не ждите, что свет истины поможет вам, если вы не "сообщите о нем другим"! (СЦ2, 123). Но ее слова часто наталкивались на глухую стену равнодушия.

И все же новости из Швейцарии пробудили интерес. Особенно приезд Джеймса Эрцбергера. Джеймс был семинаристом, когда впервые услышал о христианах, соблюдающих субботу. Чтобы продемонстрировать свое пренебрежение к их, как он полагал, законничеству, он явился на субботнее богослужение христиан в рабочей одежде. Позднее, в 1868 году, Альберт Вюлюмер крестил его. В июне 1869 года он прибыл на железнодорожный вокзал станции Батл-Крик. Не зная по-английски ни слова, он искал дорогу при помощи конверта, на котором было написано: Дж. Н. Андрус, Батл-Крик, Мичиган.

Однажды супруги Уайт пригласили его к себе домой. По настоянию их сына Вилли, кухарки Аделины и будущего врача Джона Келлога он весь день зубрил английский. За пять недель он научился сносно говорить по-английски. Спустя девять недель он отправился на лагерное собрание в Огайо, где со слезами умолял о помощи Швейцарии. В ответ адвентисты Седьмого дня собрали то, что они назвали первым добровольным

[166] пожертвованием иностранной миссии — 76 долларов. Спустя год Эрцбергер был рукоположен и вернулся домой (В. К. Уайт. РЭГ 12 августа 1937 года, стр. 4-5).

Тем временем для создания денежного фонда было основано Миссионерское общество Адвентистов Седьмого дня. "Ревью" теперь регулярно публиковал новости не только о работе миссий в Новой Англии и Калифорнии, но и в Швейцарии. И все же грустная реальность проглядывает в редакционной статье 1870 года: "Очевидно, Бог чудесным образом открывает путь для распространения света... Бог готовит путь перед людьми, и даже быстрее, чем они приготовились отвечать Ему". (Д. Н. Андриус РЭГ 22 марта 1870 года, стр. 108).

Вскоре прибыл Адемар Вюлюмер, двоюродный брат Альберта. Он посетил школу в Батл-Крике. Казалось, что его присутствие послужит новым толчком. Но когда Генеральная Конференция в 1873 году взвесила нужды Швейцарии, она не предприняла никаких действий, чтобы послать туда человека. "Поля побелели и готовы к жатве, — неустанно зывал Джеймс Уайт. — Мы должны послать человека в Европу, чтобы возглавить там работу. Братья в Швейцарии и просили и продолжают просить о помощи. И мы надеемся, что брат Андриус будет сопровождать брата Вюлюмера в Европу этой осенью" (РЭГ 26 авг. 1873 г. стр.84).

Но этого не случилось, по крайней мере той осенью. 1874 год оказался более удобным. Пока братья будут решать свои проблемы с отправкой в Европу миссионера, мы лучше познакомимся с человеком, которого брат Уайт так настоятельно рекомендовал и с которым мы уже не раз встречались на страницах этой книги.

Джон Невинс Андриус родился за пятнадцать лет до разочарования 1844 года в маленьком городке Поланд, штат Мэн, куда по случайному совпадению, спустя несколько лет после того, как вышли замуж, переехали две сестры Елены Гармон. Сложившиеся обстоятельства побудили семью Андриуса переехать в Париж, штат Мэн. Здесь они приняли вест Миллера, а после 22 октября пригласили для жительства в свой дом семью Стоуэлл, которая ожидая пришествия Христа, продала свою ферму.

Это великодушные родители Джона было щедро вознаграждено. Каким-то образом один из трактатов Т. М. Прэбла попал в их руки. Это был маленький труд, который, как вы помните, некогда привел к соблюдению субботы Иосифа Бейтса.

Пятнадцатилетняя Мариан Стоуэлл случайно наткнулась на нее и прочла. Прочитанное оказало на нее большое впечатление, и она показала брошюру своему старшему брату Освальду. Следующую же субботу они чтити вместе с братом, как могли, ибо боялись еще заявить о своем решении открыто.

В понедельник Мариан предложила трактат семнадцатилетнему Джону. [167] Он прочел его и спросил:

- — А твои мать и отец читали это?
- — Нет, — ответила Марион, — но я — да. Ты согласен соблюдать истинную субботу, Джон?

В следующую субботу обе семьи, молодежь и родители вместе, собрались в одной из комнат и провели богослужение.

Они делились опытами своей веры, и вскоре семь других семей присоединились к ним. Одна из девушек этой группы Харриет Стивенс в последующем стала женой Урии Смита; другая (ее сестра Эйджелина) стала женой Андрюса (Эверетт Дик. "Основатели вести", стр. 299-333).

В сентябре 1849 года верующие городка Париж стали участниками знаменательного собрания, проводимого специально для них.

На эту встречу приехали супруги Уайт, Иосиф Бейтс, Скотбридж Хауленд и ряд других первых руководителей. Как только была вознесена молитва, лицо брата Хауленда засветилось небесным светом и Дух Святой сошел на него, подобно тому, как Он сошел в день Пятидесятницы. Родители и дети исповедовались в своих проступках, соединяясь в понимании и любви. Тут же присутствовала и семья Андрюса. Джон был настолько поражен очевидностью руководства Божьего в движении, провозгласившем истины о субботе и святилище, что искренне воскликнул: "Я променяю тысячу заблуждений на одну истину".

Позднее Елена Уайт говорила, что благословение Божье было излито на том богослужении, главным образом благодаря присутствию на нем юного Джона. "Господь привлек брата Джона, чтобы плодотворно использовать его в будущем и Он дал ему пережить опыт, который будет очень дорог ему в его грядущих трудах". (Дух. Дары. т. 2, стр. 116-117).

К концу следующего года Джеймс Уайт издал первый номер журнала "Адвент Ревью и Саббат Геральд" ("Адвентистское обозрение и субботний вестник").

На титульном листе в числе трех членов издательского комитета стояло имя Джона Андрюса. Это было явным свидетельством того, какие надежды возлагал Уайт на молодого Джона.

Журнал издавался в Париже недолго и вскоре Андрюс самоотверженно включился в работу теперь уже в качестве служителя, перенося все тяготы и невзгоды странствующих проповедников. После того, как "Ревью" переместился в Рочестер, Андрюс часть времени стал проводить здесь, иногда сутками не покидая издательство и питаясь лишь одними бобами и кашей. Другие сотрудники вынуждены были сидеть на такой же диете, [168] хотя им постоянно приходилось работать сверхурочно. Многие на такой работе потеряли здоровье. Каторжный труд стал причиной преждевременной смерти Анны Смит.

В сентябре 1851 года, когда "Ревью" еще располагалось в Саратога Спрингсе, Андрюс писал из Цинциннати: "Среди скорбей и тревог душа моя радуется в Господе. Я никогда так глубоко не чувствовал всей важности нашей работы и ответственности за нее, как в настоящее время. Я целиком погрузился в эту святую для меня работу, я с радостью готов отдать ей все, всего себя. Гибнут души, которые сегодня могли бы быть спасены. Времени отпущено очень мало и ночь, когда уже никто не сможет работать, близка. Не должны ли мы, пока еще есть время, сделать все возможное, чтобы любыми средствами спасти хотя бы некоторых?" (РЭГ 25 ноября 1851 года, стр. 54).

Каждое слово здесь имеет значение. Он действительно готов был, если нужно, отдать все, всего себя. Вскоре у него не осталось почти ничего. Поэтому он решил на время уехать в Вукон. Здесь в 1856 году он женился на Эйнджелине.

Елена Уайт говорила, что Бог готовил его для плодотворного служения, для того служения, которого он более всего был достоин — служения проповедника, исследователя Библии, писателя, администратора и миссионера-первопроходца.

В 1855 году он окончательно доказал, что суббота начинается с захода солнца, а не с восхода, как полагали некоторые адвентисты, или в шесть часов вечера, как утверждали Иосиф Бейтс и многие другие.

Его исследования спустя два или три года привели к практике систематических добровольных пожертвований. В 1861 году из-под его пера вышел богословский труд "История субботы и первого дня недели", который переиздаваясь много раз, оставался официальным пособием церкви по этой теме до начала двадцатого столетия. Говорили, что Андрус мог работать с семью языками и претендовал на знание наизусть Нового завета.

Андрус входил в состав комитета, который в 1860 году утверждал официальное название церкви "Адвентисты Седьмого дня", а в 1863 он был членом комитета, который организовал Генеральную Конференцию, как главный руководящий орган церкви. Он работал в должности президента Генеральной Конференции с 1867 по 1869 годы; много лет руководил издательством "Ревью энд Геральд". В 1863 году в Вашингтоне он представлял правительству точку зрения адвентистов по вопросу несения воинской службы.

Стоит ли удивляться тому, что Елена Уайт в 1878 году в одном из писем в Швейцарию заметила: "Мы посылаем к вам самого способного среди нас человека!" (Е. Г. Уайт, письмо 28 августа 1878 года). [169]

Но это было уже спустя несколько лет по его прибытию в Швейцарию! А сейчас время вернуться к 1874 — самому знаменитому году в истории Адвентизма.

16 марта 1874 года было создано Общество Образования Адвентистов Седьмого дня, которое должно было в течение года подготовить к открытию колледж в Батл-Крике, первое адвентистское высшее учебное заведение.

4 июня 1874 года вышел первый номер журнала "Знамения времени", ознаменовавший начало издательству "Пасифик Пресс", которое было организовано в следующем году.

В августе 1874 года в штате Мичиган Генеральная Конференция одновременно проводила лагерное собрание и самое большое, как верно заметил Урия Смит, собрание соблюдающих Субботу, которое когда-либо проходило в мире за историю многих столетий.

На этом собрании Джеймс Уайт снова настойчиво говорил о необходимости послать кого-то для провозглашения трехангельской вести за пределы Североамериканских Соединенных Штатов. "Наша миссия — всемирная", — повторял он.

И вот, в среду первого апреля того самого памятного года (в то время семья Уайт временно жила в Окленде, штат Калифорния), [170] Елена получила одно из своих примечательных видений. Спустя некоторое время она записала его, запечатлев слова, сказанные ей небесным Вестником: "Вы занимаетесь слишком ограниченными идеями, вы живете сегодняшним днем. Вы пытаетесь спланировать работу так, чтобы ее можно было охватить руками... Но ваш дом — это весь мир". Она особо упоминала Австралию, Европу и морские острова, как места интенсивной миссионерской деятельности. Она торопила руководителей новыми воззрениями: "Вы должны понести вперед слово жизни, чтобы все желающие могли иметь возможность принять истину". Восстанавливая в памяти слова небесного Вестника, она умоляла: "Никогда не упускайте из виду тот факт, что весть, которую вы несете — есть весть всемирного значения. Она должна быть донесена до каждого города, до каждой деревни". (СЦ7, 34-36).

В отличие от некоторых своих братьев Елена Уайт никогда не забывала причину, ради которой возникло адвентистское движение. Иисус вошел во Святое Святых, чтобы начать работу окончательного избавления Своего народа от грехов. Поддерживая абсолютную святость Закона, Он стоит возле ковчега, проливая на землю лучи славы, исходящие от четвертой заповеди. Но Он не долго будет оставаться там. Когда Он оставит Святое Святых, судьба людей будет решена. Одни будут запечатлены ко спасению, другие — к гибели.

Вести о субботе, о верности Богу, основанные на живом общении с Иисусом, должны достичь каждой живой души, чтобы все имели шанс изменить свой путь до закрытия двери благодати, до излития семи последних язв, до последних жесточайших нападений сатаны во время скорби. "Никто, — писала она, — не пострадает от гнева Божьего, пока истина не будет донесена до ума и совести каждого и будет отвергнута. Каждый должен иметь достаточно света, чтобы принять свое решение добровольно. Суббота будет великим испытанием верности". (ВБ. 605).

14 августа 1874 года Генеральная Конференция, наконец, ответила на призывы Елены и Джеймса Уайт. Под раскачивающимися полотнами тента во время лагерного собрания произошло историческое событие, официально выдвинувшее адвентизм за пределы Северной Америки: "Решено, что Генеральная Конференция... даст указание Исполнительному комитету при первой же возможности послать пастора Джона Невинса Андриуса в Швейцарию".

Андриус был готов. 15 сентября, т. е. через месяц, он отплыл из Бостона в Ливерпуль, а оттуда в Швейцарию.

Вместе с ним на борту океанского лайнера "Атлас" были Адемар Вюллюмер, его личный французский переводчик и дети (Мария, [171] 12 лет, и Чарлз в возрасте 17 лет). Андриусу тоже было 17, когда он принял субботу. Эйнджелина скончалась в марте 1872. Вместе с нею умерли и двое новорожденных близнецов. "Он оставил в безмолвной могиле половину своей семьи", — сочувственно писал Джеймс Уайт.

Потеря жены и матери подорвало здоровье оставшихся членов этой миссионерской семьи. Горе лишь только подтолкнуло Андриуса выехать из Соединенных Штатов. Его дети также полностью вручили себя воле Божьей.

Сразу по прибытии Андриус включился в работу. Собрав верующих на первую конференцию, он встретил радушие и гостеприимство. Вместе с Эрцбергером он посетил Пруссию, чтобы установить дружеские контакты с группой неадвентистов, соблюдающих субботу. Но более всего его беспокоило издание журнала "Знамение времени" на французском языке. Зная, что французы не терпят иностранцев, коверкающих их грамматику, он изо всех сил старался овладеть французским языком. Он хотел, чтобы между его вестью и народом не было никаких барьеров. В этом его поддержали Мэри и Чарлз. Спустя два года они дали торжественный обет,

оформленный как официальный документ и подписанный всеми членами семьи. В нем говорилось о том, что дома они будут говорить только по французски. В порядке исключения можно было пользоваться немецким. К английскому можно было прибегать только в моменты сильных переживаний и стрессов.

Андрюс с детьми поселились в швейцарском городе Базеле. Почти все население города говорило по-немецки. В доме, в котором они поселились, Андрюс смог более или менее воспроизвести обстановку издательства в Рочестере. Таким образом, дом одновременно служил и издательской конторой. Андрюс старательно и кропотливо писал статьи для своего журнала или переводил их из "Ревью" или "Знамения времени". Чарлз не менее старательно набирал шрифт, а дочь Мэри, овладевшая французским в совершенстве, помогала корректировать ошибки.

Матрицы, с набранным шрифтом, отвозились на тележке в типографию печатникам. Андрюс потому и выбрал Базель, ибо он славился своими типографиями. Но вскоре Андрюсу пришлось прийти к выводу, что самые лучшие печатники были нечестными, а честные — не лучшими. Однажды ему пришлось раз 50 останавливать пресс, для того, чтобы исправлять оплошности нерадивого работника.

Он умолял руководство и коллег по печатному делу в Батл-Крике помочь ему приобрести свой станок и послать на помощь еще несколько человек. Джеймс Уайт опустил на это дело десять тысяч долларов, но из этой суммы мало что дошло до Андрюса. [172]

Так получилось, что жалованье Андрюс получал нерегулярно, и деньги на свои личные расходы должен был брать из тех сумм, которые ему с оказией поступали из Америки для организации дела. У человека, который сам был зачинателем и пионером системы добровольных пожертвований в церкви, такой способ финансирования вызывал грустную иронию. Будучи добросовестным христианином, он смущался брать и пенни, который превышал бы сумму, необходимую для обеспечения существования. На самом же деле он брал гораздо меньше необходимого. В течение нескольких лет его семья питалась исключительно скудной пищей.

Жизнь Андрюса в Европе во многом напоминала жизнь в Рочестере, где он перебивался бобами да кашей. В 1877 году к ним на помощь приехали Мауди Сислей и Уильям Ингс. Миссис Ингс вскоре стала догадываться, что с Мэри не все в порядке.

Самые худшие ее опасения подтвердились. Мэри заболела чахоткой.

В 1878 году Андрюса пригласили на Генеральную Конференцию. Он спрашивал, может ли он взять с собой Мэри, обещая оплатить за нее дорожные расходы. У него все еще оставались кое-какие сбережения от продажи дома в Америке.

Для Мэри это было последнее путешествие. Даже замечательный доктор Келлог ничем не мог помочь. Мэри тосковала по матери и просила отца взять ее с собой. Доктор Келлог предупреждал Андрюса о возможных последствиях, но Мэри с готовностью поехала в Европу без матери и теперь стояла на своем. Андрюс не мог оставить ее одну. Мэри умерла в возрасте 17 лет, не дожив и до конца года.

После смерти жены в 1872 году здоровье Андрюса стало медленно ухудшаться, а после смерти дочери он уже никогда не поправился. Он говорил: "В служении Богу одна рука моя онемела", имея в виду свою помощницу дочь.

Но Бог не оставил его в одиночестве. Через Елену Уайт Он дал ему весть, что Эйнджелина, Мэри и двое умерших младенцев упокоились во Христе и восстанут к жизни снова. (Е. Г. Уайт "В небесных местах", стр. 272).

К следующему лету Андрюс нашел в себе силы вновь вернуться к работе. Чарлз был рад видеть его. Они совершенствовали свою систему работы, искали новые пути привлечения внимания общества и постепенно тираж их журнала "Знамения времени" увеличился с 500 до 5000 экземпляров. Штат издательства составлял шесть человек. У них было светлое, залитое солнцем, хорошо оборудованное издательское помещение. Они печатали трактаты на немецком (для Эрцбергера), на итальянском и на французском. "Знамения времени" имел адресатов в 50 или 60 районах Франции и почти во всех странах Европы — в Швеции, Австрии, Венгрии, Пруссии, Саксонии, Эльзасе, Бельгии, голландии, Англии, [173] Уэлсе, Шотландии, Италии и Испании, не говоря уже о Швейцарии, а также в России, Индии, Египте, в Северной и Южной Америке. (РЭГ 20 мая 1880 года, стр. 332).

Андрюс путешествовал по Италии, Германии, Англии и Франции. Но больше всего сил отнимал у него журнал. Он начал замечать в себе те же симптомы, что и у Мэри. Как

только Генеральной Конференции стало известно об ухудшении здоровья Андрюса, был объявлен день молитвы, а Джону Лофборо, его другу по Рочестеру, было велено покинуть Англию, где он занимался миссионерской деятельностью, и поддержать больного Джона. Андрюс на время воспрял духом, но конец был близок. Летом 1883 года из Вукона приехала его престарелая мать, сопровождаемая братом Б. Л. Уитни, который был назначен руководством "помогать ему в его немощах".

Рассудок Андрюса оставался ясным и дух его всегда был бодрым в надежде на Господа. Он лежал в постели — живой скелет — продолжая до последней минуты диктовать помощникам статьи для журналов. Джон Андрюс скончался вечером в воскресенье 21 октября 1883 года в возрасте 54 лет.

Стоя на кладбище Вольф на окраине Базеля, провожающие неутомимого миссионера, вновь и вновь воспроизводили в своей памяти его замечательные слова: "Души гибнут, те души, которые сегодня могут быть спасены. Время, отведенное для работы — коротко. Ночь, когда никто уже не сможет работать, близка. Не должны ли мы теперь, пока еще длится день, сделать все возможное, чтобы любыми средствами спасти хотя бы некоторых!" [174]